

Посидев за чаем, Юй Цзыи наконец прервал затянувшееся молчание:

— У меня только два вопроса. Кто вы такие и откуда владеете искусством возвращения с того света?

Поскольку Юй Цзыи бесцеремонно разрушил уютный душевный лад, Чжун Ли поспешил спасти положение. Он дружески приобнял юношу за плечи и придвинул к его губам полную пиалу с вином:

— Брат Юй, ночь еще молода! Давай сначала отпразднуем...

Чжун Ли от природы был косноязычен, а потому запнулся, так и не сумев на ходу придумать достойного повода.

— ...то, что голова брата Хуа вернулась на законное место, — пришел на выручку Лань Цзыцзюнь.

Хуа Тянь чуть не задохнулся от злости. Учинить бы расправу над этим наглецом прямо здесь, да положение не позволяло — пришлось стиснуть зубы и подыграть. Не дожидаясь ответа Юй Цзыи, он со звоном стукнул своей чаркой о его пиалу и молча, одним махом осушил ее до дна.

Юй Цзыи не оставалось ничего другого. Перехватив чашу, он тоже лихо, по-мужски выпил все без остатка. Секунду спустя раздался глухой стук — гость рухнул лицом прямо на стол.

Хуа Тянь небрежно бросил Лань Цзыцзюню крошечный флакон — то самое сонное зелье, которое тот незаметно сунул ему под столом. Средство сработало безупречно, пора вернуть его владельцу.

— Прости, брат Юй, — вздохнул Хуа Тянь.

Сделав последний глоток, он вместе с Чжун Ли подхватил обмякшее тело под мышки и перетащил на кровать. Выход был паршивый, но деваться некуда: раскрывать свои настоящие личности они не имели права.

Вернувшись в Красный терем, спутники без задних ног проспали до самого полудня.

Проснувшись, Хуа Тянь твердо решил выкроить время и навеститься на гору Шэрао. Он уже собирался обсудить это с Лань Цзыцзюнем, но не успел даже переступить порог своей комнаты. С Цзянь Цзянем творилось нечто неладное: мальчик внезапно повалился на пол, изо рта его хлынула белая пена, а сам он забился в беспамятстве.

У Хуа Тяня похолодело внутри. Подхватив исхудавшее тельце на руки, он вихрем помчался в

комнату Лань Цзыцзюня.

— Цзыцзюнь! Взгляни скорее, что с ним?! — Хуа Тянь бережно опустил мальчика на постель. Паника едва не лишила его голоса.

Лань Цзыцзюнь неторопливо подошел ближе.

— Да не стой ты столбом! Проверь пульс, сделай хоть что-нибудь! Какая хворь его одолела?! Отчего он лишился чувств? — Хуа Тянь едва не срывался на крик, видя чужую невозмутимость.

— Пульс тут ни при чем, — отозвался тот с полнейшим спокойствием, будто предвидел подобный исход. — Дождемся сумерек, и мы отправимся искать его настоящее тело.

Достав пророческое бронзовое зеркало, Лань Цзыцзюнь связался с Чжун Ли:

— Ну как? Нашел?

— Да, я только что сжег амулет возвращения души, — слышался глухой ответ.

На тусклой поверхности зеркала показалось лицо Чжун Ли. Тот сидел, зарывшись в солому, а позади него угадывались очертания хлева.

Поняв, что у Лань Цзыцзюня все под контролем, Хуа Тянь немного успокоился, но обида все же взяла верх:

— Может, соизволишь наконец посвятить меня в свои планы? С самого ухода из Дифу ты и словом не обмолвился! Решил поиздеваться?

— Ровно год назад Цзянь Цзянь прибег к методу извлечения души для входа в преисподнюю, — нехотя пояснил Лань Цзыцзюнь. — Я рассудил, что в этот день его земная оболочка неизбежно подаст знак. Чжун Ли отправился на поиски и наткнулся на след. Сегодня ночью мы вернем душу Цзянь Цзяня в его тело.

«Метод извлечения души для входа в преисподнюю...»

«Первым способом пользуются те, кто хочет сбросить отмеренные годы жизни, временно "заморозив" земное существование. Но ко второму прибегают лишь от безвыходности — когда боль настолько невыносима, что смерть кажется единственным избавлением».

— Именно, — подтвердил Лань Цзыцзюнь. — Цзянь Цзянь выбрал второй путь.

Какая же нечеловеческая мука заставила ребенка добровольно полоснуть себя ножом по запястьям? Глядя на зыбкий силуэт спящего Цзянь Цзяня, Хуа Тянь почувствовал, как сердце сжимается от щемящей боли.

— Я иду с вами, — твердо произнес Хуа Тянь.

— Не торопись. Скоро его дух сам укажет дорогу.

И действительно, прошло совсем немного времени, как призрачный силуэт Цзянь Цзяня зашевелился. Он медленно, точно лунатик, поднялся с кровати и невесомой тенью выскользнул за дверь.

— За ним, — тихо скомандовал Лань Цзыцзюнь и свистнул.

С ночного неба бесшумно спикировал огромный черный ворон. Оседлав птицу, спутники устремились вслед за уплывающим духом.

Под холодным мерцанием далеких звезд одинокая детская душа плыла сквозь безбрежную ночную высь. Ее крошечный, хрупкий силуэт казался бесконечно заброшенным в этом огромном мире.

Преодолев немалое расстояние, призрак наконец начал снижаться и опустился перед чередой покосившихся соломенных хижин. Они притаились в глубине заросшего ущелья. Настоящей деревней это захолустье назвать было трудно — скорее, тайное пристанище какого-то отрезанного от мира сброда.

Дух Цзянь Цзяня растерянно закружил на одном месте, интуитивно ища свою плоть.

— Какая мерзость... Неужели здесь вообще не убирают? — Лань Цзыцзюнь брезгливо поморщился. В нос ударила невыносимая вонь гнили и нечистот; кругом громоздились кучи мусора.

— Это не обычное поселение, — негромко отозвался Хуа Тянь.

Вглядываясь в блеклый полумрак, он подошел к массивному деревянному столбу. Подняв тяжелую ржавую цепь, свисавшую с перекладины, Хуа Тянь легонько тряхнул ею:

— Погляди-ка, Цзыцзюнь. Ничего не напоминает? Очень похожие штуки у нас в подземных застенках пылятся.

Лань Цзыцзюнь всмотрелся пристальнее. Перед ними возвышался самый настоящий дыбный крест. Оба мгновенно подобрались. С каждым шагом в темноте проступали все новые зловещие

очертания: тиски, колодки, зазубренные крючья. Это место походило на огромный, устроенный под открытым небом застенок.

Из главных изб доносился пьяный ор и грохот. Окна полыхали факельным чадом, а сквозь щели в дверях сочился такой густой перегар, что у Хуа Тянь подступила к горлу тошнота.

Призрак Цзянь Цзяня, точно стараясь остаться незамеченным, скользнул в обход шумных лачуг к задним пристройкам. Хуа Тянь и Лань Цзыцзюнь бесшумно следовали за ним тень в тень.

Здесь царил совсем иной мир. Пьяный гам утих, сменившись тяжелым, почти осязаемым безмолвием. Вдруг из темноты донесся тихий, сиплый кашель. Хуа Тянь насторожился и прильнул к оконному проему.

Внутри стояла крошечная тьма, но слух улавливал частое, прерывистое дыхание десятков ртов. Судя по звукам, в тесном помещении было заперто множество людей. Расслышав тонкий звон дешевых женских украшений и жалобное детское хныканье сквозь сон, Хуа Тянь нахмурился еще сильнее.

— Не отставай, Цзянь Цзянь уходит, — шепнул Лань Цзыцзюнь, бесцеремонно дернув его за плечо.

— Цзыцзюнь, тут творится что-то странное, — Хуа Тянь кивком указал на темный барак. — Снаружи все завалено дыбами и плетью, словно в каторжной тюрьме. Но почему внутри сидят женщины и дети? Мужчин среди них почти нет. Это бессмыслица.

Подозрения крепили с каждой секундой. Хуа Тянь уже примеривался, как бы бесшумно перелезть через подоконник и проверить все самому, но Лань Цзыцзюнь крепко ухватил его за пояс и потащил обратно.

— Не суй нос в чужие дела, — отрезал он, кивая на удаляющийся силуэт. — У нас другая задача. Сначала найдем тело мальчишки.

Скрипнув зубами, Хуа Тянь вынужден был отступить. Однако, шагая следом за призраком, он то и дело оглядывался на безмолвные запертые бараки. Душа его была не на месте.

Обогнув ветхую пристройку, призрак остановился перед низким бревенчатым хлевом и принялся растерянно кружить у запертых ворот. Изнутри доносилось тяжелое фырканье сонных коней, хлопанье крыльев испуганной птицы и удушливый запах свежего навоза.

— Господин, вы вовремя, — из темноты вынырнула коренастая фигура Чжун Ли. Он ждал их здесь уже битый час.

— Тело... ты нашел его? — с замиранием сердца спросил Хуа Тянь.

— Я шел по его следу. Труп... вернее, тело должно быть где-то здесь, — Чжун Ли огляделся. Место было тесным. Жилые бараки остались позади, впереди — только этот зловонный хлев. — Наверняка он внутри. В Подземном царстве Цзянь Цзянь тоже всегда забивался поближе к скотине.

— Что гадать. Зайдем да проверим, — Лань Цзыцзюнь отступил на шаг, пропуская Хуа Тяня вперед.

Хуа Тянь, сгорая от нетерпения, рванул на себя ветхую дверь. Стоило створке приоткрыться, как призрак мальчика, почуяв родную плоть, беззвучно просочился внутрь.

— Боги пресветлые... — вырвалось у Чжун Ли.

Вспомнив, что зыбкий дух ребенка стоит рядом, мужчина тут же испуганно зажал себе рот ладонью.

От увиденного Хуа Тянь побелел, а его брови сошлись на переносице. Лань Цзыцзюнь, обычно бесстрастный, казалось, превратился в ледяное изваяние.

Земная оболочка Цзянь Цзяня лежала в самом грязном углу стойла. Лошади, давно привыкшие к этому молчаливому соседу, лениво жевали сено поодаль, оставив ему клочок подстилки. Мальчик был завален полусгнившей соломой и навозом. Если бы не торчащие из-под гнилой травы детские ступни, это хрупкое тело невозможно было бы заметить.

Лицо, лишенное жизни, покрывала корка засохшей крови, грязи и испражнений. В ней едва угадывались человеческие черты. Вокруг шеи ребенка мертвой хваткой смыкалась тяжелая, изъеденная ржавчиной железная цепь.

Дух Цзянь Цзяня, лишенный земных чувств, слепо потянулся к своей истерзанной плоти. Он рвался воссоединиться с тем, что осталось от его земной жизни.

Хуа Тянь преградил ему путь. Он не мог позволить душе войти в это гниющее заживо тело. Быстро отеснив призрака назад, он жестом приказал Чжун Ли держать дух мальчика. Сам же Хуа Тянь опустился на колени и принялся лихорадочно раскидывать слежавшуюся сологу. Вонь гнили и застарелой крови ударила в нос с такой силой, что перехватило дыхание. Преодолевая тошноту, он продолжал разламывать окаменевшие от нечистот комья грязи, пока наконец полностью не освободил тельце.

То тощее, что предстало его взору, трудно было назвать живым человеком. Лохмотья одежды давно сгнили и вросли в раны, но под ними — в кольце черной могильной земли — мертвенно-белая кожа мальчика казалась неестественно чистой, почти прозрачной.

Хуа Тянь без колебаний сбросил свое роскошное верхнее одеяние. Опустившись на колени прямо в навоз, он бережно, словно хрустальную вазу, приподнял голову Цзянь Цзяня и принялся стирать грязь с его лица краем дорогого шелка.

Ошейник, сковывавший горло, от сырости превратился в труху. Стоило Хуа Тяню слегка потянуть за звено, как железо рассыпалось пылью, оставив на нежной детской коже глубокий, въевшийся багрово-бурый след. На обоих запястьях зияли страшные, застарелые шрамы от ритуального пореза. Вены и сухожилия были безжалостно перерублены — ладони держались лишь на честном слове да костях.

От этого зрелища у владыки подземного царства пережало горло. Не в силах больше смотреть на изуверенные руки, он вернулся к лицу ребенка, осторожно стирая грязь.

Под слоем многолетней грязи проступал истинный облик мальчика. Правильные черты, точеный носик, изящный изгиб бровей и полные, хоть и побелевшие губы. Черты его лица были настолько тонкими и красивыми, что, не будь в разлете бровей едва заметной юношеской суровости, Цзянь Цзяня легко можно было принять за девочку. А если бы эти веки приоткрылись, явив миру скрытые под ними миндалевидные глаза, то красоте этого отрока позавидовали бы не только земные девы, но и небесные небожительницы.

Он лежал неподвижно, с плотно сомкнутыми ресницами, точно погруженный в глубокий и безмятежный сон. Хуа Тяню безумно захотелось, чтобы этот ребенок наконец очнулся. Каково это — увидеть, как оживает столь безупречное творение?

Чжун Ли, стоявший позади, ошеломленно застыл. За свою долгую, без малого вековую жизнь он повидал немало красавцев, но чтобы такая неземная красота досталась юноше... Такое он видел впервые.

«Увидь его Шэнь Чанлю, точно от зависти иссохнет и дня три крошки в рот не возьмет»

Чжун Ли невольно усмехнулся своим мыслям, представив, какую забавную мину состроит этот спесивец.

Лань Цзыцзюнь молчал, но его потрясение было ничуть не меньше. Очертания этого лица были слишком знакомыми. Такую внешность невозможно забыть, даже если видел ее лишь мельком много лет назад. И Лань Цзыцзюнь знал, что не ошибся...

<http://bllate.org/book/18412/1796482>